

⁶ *Morley J.W.* Japan's foreign policy, 1868–1941. N.Y., 1974; *idem.* The Japanese Thrust into Siberia, 1918. N.Y., 1957.

⁷ С Дальнего Востока в Средиземное море был направлен пятитрубный крейсер «Аскольд», участвовавший в конвоировании в Египет австрало-новозеландского корпуса и высадке французского контингента в Кум-Кале (*Михайлов В.В.* Галлиполи 1915 г.: могила русской мечты и британских солдат. СПб., 2009. С. 185, 211–214).

⁸ Так, Ю.С. Пестушко писал, что «за исключением нескольких представителей японского генерального штаба..., никто из японских добровольцев на европейский театр военных действий так и не был направлен» (*Пестушко Ю.С.* Почему японские войска... С. 266–275). Помимо ошибки стилистической (ведь

офицеры генштаба не являются добровольцами), автор допустил фактологические ошибки: японские добровольцы, пусть в единичном числе, воевали в Европе, а также, кроме офицеров генштаба, несколько сотен японских артиллеристов и инструкторов были направлены в российскую действующую армию.

⁹ Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия III. Т. 10 (январь–апрель 1916). М.; Л., 1938. С. 250.

¹⁰ Там же. С. 594–595.

¹¹ Там же. С. 260.

¹² Там же. С. 419.

¹³ *Гальперин С.С.* Англо-японский союз: 1902–1921 гг. М., 1947.

¹⁴ *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Японские деньги и русская революция. М., 1993.

Оксана Нагорная

Рец. на: Н.В. Суржикова. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 423 с.

Oksana Nagornaya

(South Urals institute of management and economics, Russia)

Rec. ad op.: N.V. Surzhikova. Voenniy plen v rossiiskoi provincii (1914–1922 gg.). Moscow, 2014

Всплеск коммеморативных мероприятий вокруг 100-летия начала Первой мировой войны в 2014 г. продемонстрировал тенденцию не столько сближения национальных публичных историй, сколько, напротив, их принципиальную зависимость от динамики развития актуальных национальных дискурсов. Память о «катастрофе, породившей столетие», до сих пор не превратилась в «застывшую конструкцию», демонстрируя удивительную гибкость и напоминая детский калейдоскоп, в котором одни и те же осколки стекла (образцы толкования) при далеко не ювелирном переворачивании инструмента образуют весьма причудливый узор (в виде тропов «жертвы на алтарь союзников», «проигрыша проигравшим» и др.). В отличие от публичного дискурса, где метафора «забытая война» настойчиво компенсировалась с помощью героической риторики, исследовательский ландшафт

отразил скорее инерцию заложенных много лет назад тенденций развития. Вышли в свет весьма интересные публикации, отразившие, к сожалению, скорее «излёт» антропологического поворота в российской исследовательской дискуссии, на смену которому, вероятно, уже спешит «тёрн глорификации».

На фоне достаточно пессимистичных прогнозов рецензируемая книга екатеринбургского историка Н.В. Суржиковой стала действительно значимым событием, ибо в бурном потоке отечественных работ по тематике плена автор осмелилась на новую постановку вопросов в масштабе не только отечественных, но и международных исследовательских дискуссий. Она представила читателю ряд новых граней в изучении гуманитарного измерения мирового конфликта, посягнула на авторитеты данного тематического поля, ставшие, казалось бы, незыблемыми. Поэтому

читателя не должны вводить в заблуждение постановочные уверения Суржиковой в том, что она «не питает особых иллюзий на предмет глубины сделанных выводов», а также обещания скорого появления «более объёмистых и содержательных монографий, чем эта» (с. 15). Книга не разочаровывает ни содержанием, ни глубиной, однако интересующемуся обывателю, да и специалисту нужно запастись немалой долей терпения, чтобы освоить витиеватые формулировки и избыток профессионального новояза.

На материалах Среднего Урала – типичной и одновременно нетипичной в ракурсе плена российской провинции – автор поставила перед собой задачу «заполнить пробел существующих исследований, которые упускают проблему воздействия плена на принимающие локальные сообщества и связанные с их жизнедеятельностью институты и практики» (с. 7). Траекторию исследования она выстраивает на основе качественного историографического обзора, в отличие от многих публикаций не малодушничая перед задачей привести к единому знаменателю интернациональные и отечественные дискуссии. Появление новейших публикаций, изданных, скорее всего, уже в период редакционной обработки манускрипта и не вошедших в обзор, лишь подтвердило актуальность изучения «экономики принудительного труда» как одной из основополагающих характеристик воюющих обществ¹. Обширный источниковый и историографический материал преломляется через призму институционального подхода, в который весьма органично вплетены приёмы социологического, антропологического и дискурсивного анализов, что придало работе междисциплинарный характер. Сложность и противоречивость исследуемого феномена, возникшего на фоне развернувшихся на территории России масштабных социальных, политических и культурных трансформаций, детальное внимание к которым могло поставить под угрозу целостность концептуального подхода и развалить повествование на множество не связанных друг с другом картин, автор достаточно успешно преодолела. Сделала она это с помощью дефиниции «пространства плена», изначально подра-

зумевая многоликость, разновекторность и наложение друг на друга этих картин, а также возникновение сложного рисунка при наложении их на иные пространства военного опыта российской провинции.

Автор использовала весьма разнообразные источники, скрупулёзно собранные ею не только в центральных, но и в крупных и небольших местных архивах. В качестве их типологической черты она отметила неорганичную включённость одних источников в другие, помещение распоряжений центра в локальные документальные контексты, не оговаривая при этом степень универсальности подобного принципа (либо, напротив, его применения к исследуемым территориальным рамкам), а также степень влияния данной особенности на исследовательский анализ. Недооценённым историками источником автор назвала материалы местной прессы, которая более оперативно, разнообразно и информативно, чем нормативные акты, отражала «рисунок плена» в провинции. Суржикова совершенно справедливо отметила, что газетная информация в большей степени воспроизводила ожидания местного населения, его восприятие привнесённого войной инородного тела в лице военнопленных, слухи и страхи (с. 11). Однако теоретическое постулирование она не всегда реализовывала в ходе повествования: применение приёмов анализа неформальной коммуникации крайне редки, а выдержки из прессы, использованные в качестве подтверждения конкретных исследовательских тезисов (например, наличие среди пленных австрийских солдат неузнанной женщины, родившей к тому же в тюменском захолустье ребёнка), похожи на газетные «утки», повсеместно распространённые в жаждающей «жаренного» провинциальной периодике всех стран².

Объём рецензии не позволяет рассмотреть все тонкости насыщенной работы, поэтому целесообразнее остановиться на ключевых новаторских выводах автора, тем более что для сохранения повествовательного баланса и поддержания интереса читателя, незнакомого с многочисленными исследованиями последних лет, монография содержит достаточное количество уже известной информации, подтверждая неспецифичность российского провинциального опыта плена.

Одно из наиболее важных заключений екатеринбургского историка – о том, что пространство российского провинциального плена невозможно и нецелесообразно описывать в рамках устойчивого термина «лагерь». Проведя квантитативный и квалитативный анализ динамики появления обезоруженных вражеских солдат на местности (в основном, в книге идёт речь именно о них, офицерский опыт представлен меньше), планов по их использованию в структурах принудительного труда, постоянных перемещений и условий содержания, автор пришла к выводу: применение понятия «лагерь» во избежание заблуждений следует ограничить реально происходившими случаями с конкретными лагерями (с. 64). Охарактеризованные в книге сложности с «обарачиванием» в заводских рабочих командах, повсеместное индивидуальное распределение в деревенских хозяйствах, размещение в хоть сколь-нибудь подходящих помещениях (от монастырей до землянок) диссонируют с привычными представлениями исследователей и широкой публики о «лагерной машине» XX в. Данный тезис, несомненно, заслуживает пристального внимания и развития, например, в сфере дискурсивного и семантического анализа. Автор, к сожалению, оставила за рамками повествования изучение распространённости этого термина в документах и других источниках, динамику подъёмов и спадов этих упоминаний, взаимосвязь с конкретными фазами развития «экономики плена» и её территориальной специфики.

Пересматривая характеристики, данные российскому плену ведущими иностранными исследователями, автор пыталась найти некую операбельную аналитическую категорию между тезисом В. Моритц и Х. Ляйдингера (Австрия) о чрезмерном централизме российской системы военного плена в годы Первой мировой войны и утверждением Р. Нахтигала (Германия) о полной бессистемности попыток регулирования пространства лагерей военнопленных. Суржикова предложила отказаться от универсализации характеристик столь многогранного и неоднородного пространства, уделив внимание в основном своеобразным интерпретациям местными сообществами распоряжений сверху. Сформулированная

ею метафора «управление в ручном режиме», которая позволяет в значительной степени отразить «гибкость решений плена, превратившую его из неуправляемого хаоса в плохо управляемое многообразие» (с. 202), требует, однако, уточнения. Возможно, речь стоит вести об импровизационном характере предпринимавшихся шагов и характеризовать их ещё и в зависимости от фазы развития системы, внешних вызовов и отдельного поля «пространства». Справедливость данного предположения косвенно подтверждается в самой книге при характеристике мероприятий этнизации плена как «бессистемных и неупорядоченных», а также при объяснении причин «пробуксовывания репатриации» «дисперсностью российского плена и разбалансированностью центрально-периферических связей» (с. 323).

С проблемой (бес)системности экономики плена связан вопрос и об эффективности принудительного труда, на который автор отвечает отрицательно: производительность пленных была очень низкой, что объяснялось и отсутствием мотивации, и забастовками, и полуголодным существованием большинства из них. Применявшиеся методы «мобилизации» в виде урезания пайка, физического принуждения, денежных и телесных наказаний, лишения свободы к желаемому эффекту не приводили (с. 193).

Ещё одним устойчивым представлением, распространённым и в годы Первой мировой войны, и сегодня, являлся тезис о развёрнутой на территории России широкомасштабной гуманитарной помощи иностранным военнопленным со стороны общественности их собственных стран, нейтральных миссий и организаций. Размах и успех мероприятий материальной поддержки выглядели во многом впечатляюще по сравнению с положением национальных групп военнопленных, которым таковая помощь практически не оказывалась (сербы, итальянцы, русские в Германии и Австро-Венгрии). На возникновение подобных представлений повлиял созданный в межвоенный период образ Эльзы Брендстрем – сестры милосердия, получившей прозвище «сибирский ангел» за неустанную заботу по снабжению пленных продуктами и обмундированием. Этот образ был транслирован на все

миссии и условия пребывания пленных в России в целом. Автору, напротив, весьма убедительно удалось представить, что подобные символические конструкции не соответствовали реалиям Среднего Урала: продукты и вещи расхищались, денежные переводы первоначально облагались высокими процентами, часто вообще не выдавались, постоянные перемещения на длительное время оставляли военнопленных без всякой поддержки (с. 159).

Интерес для актуальных исследовательских дискуссий представляют и попытки автора отразить социологическое измерение плена. Стоит оговориться, что и здесь она оказалась верна институциональному ракурсу, описывая практики встраивания пленных в локальные сообщества (поступление на работу, сожительство с одинокими женщинами, стремление вернуться домой, попытки интегрироваться в новые социальные структуры, втягивание в машинерию сталинского террора) в основном через ведомственные источники или через восприятие местного населения. Сами пленные «получают слово» нечасто – в основном автор цитирует их высказывания в качестве доказательств каких-либо тезисов о функциональности или дисфункциях системы российского плена. Соответственно наброски коллективного портрета военнопленных, коими завершается книга, выполнены не с точки зрения внутренних переживаний сообщества, а сквозь призму

демографо-социологических характеристик – происхождения, профессиональной принадлежности, возрастных когорт, динамики брачности и смертности.

Представляется, что перспективным развитием намеченной автором проблематики станут ответы исследователей на вопросы, связанные с кратко- и долгосрочными трансформациями, спровоцированными «концентрическими круги плена» на разных уровнях принимавшего их общества; хозяйственными практиками и технологиями, концепциями и конкретными знаниями, ставшими предметом культурного трансфера; управленческими стратегиями, медицинскими и санитарными инновациями, методами социального контроля, отразившимися в российском/советском опыте, и с тем, какой след в отечественной культуре памяти – литературе, искусстве, кино, общественных представлениях – оставили безоружные солдаты и офицеры противника. «Принимающие локальные сообщества» ждут дальнейшего изучения.

Примечания

¹ См., например: *Zwangsarbeit als Kriegsressource in Europa und Asien* / Lingen K. von, Gestwa K. (Hg.). Paderborn, 2014.

² Подробнее см.: *Altenhörer F. Kommunikation und Kontrolle. Gerüchte und städtische Öffentlichkeiten in Berlin und London 1914/1918*. Göttingen, 2007.

Никита Комочев

Рец. на: Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Авт.-сост. Е.А. Долгова. М.: РОССПЭН, 2015. 512 с.

Nikita Komochev

(History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities)

Rec. ad op.: Uchenyi w epohu peremen: N.I. Kareev v 1914–1931 gg. Issledovaniia i materialy. Moscow, 2015

Новое издание документов, посвящённое последним десятилетиям жизни известного историка Николая Ивановича Кареева (1850–1931), без сомнения, заслуживает особого внимания. Здесь

представлено более 220 документов, объёмные записные книжки за 1925–1931 гг., а также воспоминания.

подавляющее число источников опубликовано впервые. Е.А. Долгова, задав-